

ностью, новых парадоксальных идей, образов и представлений возникает в синергетике.

Сегодня мы находимся на пути к социосинергетике, как полагает Е. Князева. Это значит, что мы (мир) пытаемся построить, если можно так выразиться, синергетику с человеческим лицом. Мы движемся к синергетике, умеющей подходить и знающей как подходить к человеческой культуре, к пониманию феномена человека во всех его разнообразных проявлениях, к раскрытию тайн художественного человеческого и научного творчества, познания, здоровья, образования, коммуникации, встраивания человека в ближайшую и более отдаленную социальную и культурную среду.

Примечания

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как средство интеграции естественнонаучного и гуманитарного образования // Высшее образование в России. М., 1994. № 4. С. 31.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. М., 1993. № 2. С. 50.

³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления. М., 1993. С. 74.

⁴ Князева Е.Н. В эволюционных лабиринтах знания, синергетическое видение научного прогресса // Самоорганизация и наука: Опыт философского осмысления. М., 1994. С. 69.

*Ю.А. Иликеева
(Уфа)*

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Тема женщины в традиционном башкирском обществе выступает составной частью общих гендерных разработок по статусу женщины как в архаических обществах, так и в современных. Исследования подобного рода являются одними из наиболее востребованных в сегодняшнем обществе. Еще в древности возникшее и закрепленное практикой тысяч лет половое разделение труда, при котором «мир женщины — дом (приватная сфера), дом мужчины — мир (публичная сфера)», отчасти продолжает определять существование общества.

В башкирском обществе, как и в любом другом антагонистическом обществе, четко отражался данный диморфизм, где соблюдалось разграничение мужской (активной) и женской (пассивной) ролей. Мужчина выступал главой семьи, вотчинником, собственником семейного имущества. Общественная деятельность принадлежала в основной своей части к сфере мужских интересов. Сфера женских интересов была ограничена главным образом семьей, домом. Однако следует признать, в силу того, что башкирская женщина играла исключительную роль в производстве материальных благ и обладала обособленным имуществом как во время брака, так и после его расторжения (неотъемлемое право башкирской женщины), ее пассивность представляется несколько условной. В пользу условности говорит и некоторое своеобразие во взаимодействии женщины с различными общественными институтами и непосредственное участие башкирки в общественной жизни, при том не только общины, но и края, и даже страны (участие в башкирских восстаниях, Отечественной войне 1812 г.), традиционно относящейся к мужской сфере.

Кроме того, необходимо учитывать, что если современное урбанизированное общество по-новому определяет мужские и женские сферы деятельности, подчас уже по другим критериям репрезентует мужественность и женственность, то следует помнить, что это вовсе не значит, что люди прошлого имели те же чувства и представления.

Поэтому изучение положения женщины в разные исторические периоды у разных народов, в частности, у башкир в первой половине XIX в., является непременным условием для представления полной картины взаимоотношений в традиционном обществе.

Источниковая база по теме богата и разнообразна и представлена широким кругом взаимодополняющих источников: архивных, опубликованных документов, полевого этнографического материала, литературных памятников, фольклора.

Значительный архивный материал сосредоточен в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО, Оренбург) и Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ, Уфа).

В РГАДА в фонде экономических примечаний (И-1355) содержатся сведения по периоду конца XVIII — начала XIX в. по уездам Оренбургской и Пермской губерний о численности башкирского населения, хозяйстве, промыслах, образе жизни, кочевках башкир, занятиях мужчин и женщин в то время¹.

В ГАОО некоторая часть дел по проблеме сосредоточена в фонде Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (И-6). Материалы фонда содержат документы о хозяйстве башкир, их образе жизни, кочевках, о приобщении их к оседлому образу жизни и земледелию, о браках между башкирами и казахами. Нормы обычного права, отраженные в различных судебных семейно-брачных делах казахов дают интересный сравнительный материал. Дела фонда также позволяют проследить политику здравоохранения и образования в отношении башкирского населения, особенно женского, так как во многом и от этого зависела продолжительность ее жизни².

Наиболее содержательные документы сосредоточены в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан. Наиболее богатым и ценным материалами по теме нашего исследования является фонд Оренбургского магометанского духовного собрания (И-295). В нем отложились различные материалы, отражающие быт и культуру башкирского народа в целом, и имущественно-правовой статус женщины, в частности. Все документы, касающиеся таких вопросов, как колыбельное сватовство, браки несовершеннолетних, двойные браки, пережиточные формы брака — левират и сорорат, приданое и калым, содержание жен, различные формы развода, причины разводов, дети, вдовы, беглянки, сироты и опекуны, наследственно-имущественные вопросы при выходе замуж, при разводе, по смерти мужа и т.д. и т.п. раскрывают положение башкирской женщины в семье и обществе, ее роль и место³.

Документы, косвенно отражающие отношение к детям, их воспитание и уход за ними в башкирской семье можно найти в фонде Стерлитамакского уездного суда (И-104). Чрезвычайно богатый материал о формах семьи, моногамном и полигамном браках и их соотношении, о распространении различных эпидемических заболеваний среди населения, которые отчасти объясняют причины высокой женской и дет-

ской смертности среди башкирского населения находится в фонде Оренбургской казенной палаты (И-138). О больницах, болезнях и здравоохранительных мерах, проводимых среди населения губернии, имеются сведения и в фонде Оренбургской врачебной управы (И-146)⁴.

Огромное количество ценных материалов, содержащихся в фонде Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора (И-2) воссоздают хозяйство и социальную структуру башкирского общества первой половины XIX в., раскрывают злоупотребления кантонных начальников и чиновников, преступления против женщин, содержат сведения об образовании башкирских девочек, опекунских и сиротских делах, семейно-брачных отношениях. В фонде сохранились многочисленные материалы по разнообразным имущественным спорам, непосредственно затрагивающих интересы женщин. Особенно важно, что часть из них касается вопроса о владении землей женщиной в башкирском обществе⁵.

Значительное количество документов, отражающих историю башкирского хозяйства в первой половине XIX в., выявленные в фонде Оренбургского гражданского губернатора (И-6) дополняют картину повседневного быта башкир в целом и женщины в частности. Это многочисленные ведомости о посеве и урожае хлеба, статистические сведения о размерах запасов башкир, отчеты об общем экономическом положении уездов Оренбургской губернии⁶.

В фондах Оренбургского губернского правления (И-1) и Уфимского губернского правления (И-9) сохранились различные сведения о землепользовании башкир-вотчинников, налогах и повинностях башкирского населения, а также материалы о семейно-брачных отношениях башкир. Имеются сведения и об административном устройстве Башкирского края, распространении различных заболеваний на территории губернии, действия властей по их предотвращению и помощи населению, осповививанию, в том числе и среди башкир⁷.

Отдельные дела фондов Уфимского по крестьянским делам присутствия (И-10), Оренбургской палаты гражданского суда (И-100) и Бирского уездного суда (И-107) также содержат дела (сделки, завещания, уставные грамоты, судебные дела), касающиеся собственности (раздел имущества, опека над имуществом, земельная собственность), которые были отобраны на предмет участия в них башкирских женщин и женщин-мусульманок края для сравнительного анализа⁸.

Сравнительный материал по вопросам мужского и женского образования можно извлечь из фонда Казанского учебного округа (И-110), в котором сохранились данные об обучении башкирских мальчиков и в целом всего православного населения губернии⁹.

В изучении статуса башкирской женщины дореволюционной России опубликованные источники можно объединить в следующие группы: законодательные акты, экономико-географические и статистические описания, статистические материалы, делопроизводственная документация, литературные памятники.

Из группы законодательных актов привлечение законов из Полного собрания законов Российской империи, Законов о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях, Женского права. Свода узаконений и постановлений, Сборника циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского Магометанского Духовного Собрания

1836–1903 гг.» позволяет изучить законодательную базу сферу семейно-брачных отношений, имущественную правоспособность женщин в России и в крае¹⁰.

Критическое использование экономико-географических и статистических описаний позволяют проанализировать количественные и качественные изменения, происходившие в башкирском обществе в целом, способы ведения хозяйства, формы земельной собственности, степень участия башкирской женщины в общественной жизни, положение и статус женщины в семье и обществе¹¹.

Среди статистических материалов особое место занимают серия Памятных книжек Уфимской губернии, в которых интерес для нас представляют сведения о количестве браков и разводов среди мусульман Оренбургского края, а также о соотношении форм разводов: талака и хлога¹². Отдельные тома (28, 45) Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., включающие материалы по Оренбургской и Уфимской губерниям содержат сведения о численности дворян среди башкирского населения в целом и женщин среди них в частности¹³.

Разнообразные документы делопроизводственного характера, отраженные в Материалах по истории Башкирской АССР позволяют проанализировать различные стороны имущественного и правового статуса башкирской женщины в обществе¹⁴.

Коран и Библия с позиции ислама и христианства отражают статус мужчины и женщины в обществе, а обычное право казахов, киргизов и туркмен и др. народов позволяет провести сравнительный анализ положения башкирской женщины¹⁵.

Источниковую базу исследования дополняют полевые этнографические материалы известных этнографов Р.Г. Кузеева, С.Н. Шитовой, Н.В. Бихбулатова, Р.З. Янгузина, Ф.Ф. Фатыховой и других авторов, работавших в различных районах Башкирии и на сопредельных территориях.

Широкий круг фольклорных материалов, литературных и историко-этнографических работ, отраженных в башкирском народном творчестве, детском фольклоре и пословичном материале, обогащают информацию о роли и месте башкирской женщины в семье и обществе¹⁶.

Таким образом, тема исследования обеспечена значительной источниковой базой, представленной как опубликованными, так и неопубликованными источниками, которые позволяют решать конкретные научные и практические задачи.

Примечания

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Д. 929, 932, 935, 940, 1093, 1094, 1106, 1874, 1875, 1879.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 2. Д. 955; Оп. 6. Д. 6463, 14017/1; Оп. 10. Д. 236, 5280, 7656/б, 7656/г; Оп. 17. Д. 84.

³ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 3. 12, 22, 76, 146, 189, 193, 240, 242, 269, 276, 344, 346, 378, 384, 387, 401, 409, 434, 476, 512, 527, 545, 574, 633, 663, 675, 698, 700, 776, 791, 821, 823, 1579, 1648, 1649, 1657, 1661, 1666, 1671, 1769, 1791, 1826, 1829, 1833, 1837, 1842, 1845, 1905, 1908, 1913, 1916, 1922, 1924, 1928, 1932, 2007, 2023, 2036, 2042, 2044, 2047, 2125, 2128, 2157, 2176, 2177, 2178, 2179, 2186, 2196, 4674, 4942, 6132, 6281, 7096, 9327, 9462; Оп. 8. 206, 1203, 1249; Оп. 10. Д. 34.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. 104. Оп. 1. 127/1, 127/П, 129/П; Ф. 138. Оп. 1. 484; Оп. 2. Д. 390, 394; Ф. 146. Оп. 1. Д. 125.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25, 41, 61, 282, 400, 467, 899, 961, 1046, 1055, 1159, 1347, 1359, 1549, 1560, 1598, 1715, 1766, 1783, 1836, 1880, 2163, 2164, 2221, 2240, 2254, 2598, 2916, 3322, 3880, 4523, 4883, 5065, 5308, 5406, 5440, 5623, 6439, 6959, 7375, 8275, 10201, 10758, 11149, 11332, 12623, 12809, 13025, 14615, 14623, 15159.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 83, 83/а, 145, 158.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1120, 2840, 3106; Ф. 9. Оп. 1. Д. 125.

⁸ ЦГИА РБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 189, 196, 464, 2288; Ф. 100. Оп. 2. Д. 411/а, 533; Ф. 107. Оп. 1. Д. 175.

⁹ ЦГИА РБ. Ф. 110. Оп. 1. 370, 762, 801, 846, 894, 897.

¹⁰ Полн. собр. законов Российской империи. Т. 6. № 4547; Т. 10. № 7735, 7990, 8064; Т. 11. № 8764; Т. 12. № 10653; Т. 25. № 18477; Т. 30. № 23049; Законы о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Под ред. Ф.Х. Гумерова. Уфа, 1999; Женское право. Свод узаконений и постановлений. СПб., 1873; Сб. циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского Магометанского Духовного собрания 1836–1903. Уфа, 1905.

¹¹ Асфандияров А.З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археологический сб. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 196–342; Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями // Приложение к IV тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1864. № 6; Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Уфа, 2001.

¹² Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б.г.; Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Раздел II: Статистика. Уфа, 1889.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. XLV: Уфимская губерния. Тетрадь 1–2. СПб., 1904.

¹⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.; Л., 1949. № 272, 419; Т. IV. Ч. I. М., 1956. № 228, 246, 247, 279, 280, 284; Т. IV. Ч. 2. М., 195. № 462; Т. V. М., 1960. № 306.

¹⁵ Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990; Библия. М., 1993; Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Под ред. Ю.И. Семенова. М., 2000.

¹⁶ Башкирское народное творчество. Т. 1: Эпос. Уфа, 1987; Т. 2: Предания и легенды. Уфа, 1987; Т. 3: Богатырские сказки. Уфа, 1987; Т. 7: Пословицы, поговорки. Приметы. Загадки. Уфа, 1993; Т. 8: Песни (дооктябрьский период). Уфа, 1995; Т. 10: Исторический эпос. Уфа, 1999; Башкирское народное творчество. Сказки (на баш. яз.). Уфа, 1978; Т. 3: Эпос (на баш. яз.). Уфа, 1998; Детский фольклор (на баш. яз.). Уфа, 1994; Мать. Пословицы и поговорки. Словарь (на баш. яз.) / Под ред. М.Х. Ахтямова Уфа, 2002; Моратов А. Шакир сватает невесту (на баш. яз.) // Агидель. 1980. № 6–8; Карим М. Деревенские адвокаты: Повести. М., 1989.

*В.Д. Камынин
(Екатеринбург)*

МЕСТО ИСТОРИКОВ «СТАРОЙ ШКОЛЫ» 1920-х гг. В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В XX в.

Историографические исследования в настоящее время переживают непростой этап развития. Характерными его чертами можно считать, во-первых, скептическое отношение некоторых историков к историографическим исследованиям, во-вторых, размежевание в среде самих историографов. Первая черта проявляется в требовании к историографам сузить задачи своих исследований, свести их к созданию «критически-провоцирующих статей»¹. В этом видится проявление тенденции рассматривать историографию только как вспомогательную историческую дисциплину, «обслуживающую» интересы исторической науки. Выделение историографии в особую отрасль исторического знания со своим предметом исследования порождает критику в адрес историографов как людей занимающихся «псевдонаукой», «особой формой имитации работы мысли в исторической науке» и т.д.²

На современном этапе произошло размежевание в среде самих историографов по вопросам о смысле, задачах и методике историографии. Четко выделяется два подхода к этим вопросам. Один из них реализуется в рамках «проблемной» историографии, традиционно направленной на подведение итогов изучения определенной исторической проблемы, выявление неизученных или дискуссионных вопросов, определение направлений возможных будущих изысканий по данной проблеме. Второй подход трактует историографию как историю исторической науки, вынося на обсуждение научной общественности много важных теоретических вопросов развития исторического знания.